

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА ЕФИМОВА

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории, истории государства и права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
efimova1870@rambler.ru

Рец. на кн.: Бикташева А. Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. – М.: Новый хронограф, 2012. – 496 с.*

Появление монографии доктора исторических наук, профессора Высшей школы экономики А. Н. Бикташевой – убедительное свидетельство тому, что изучение данной темы наконец-то вышло из «младенческих пеленок» изысканий о губернаторах справочно-краеведческого уровня конца XX – начала XXI века. Методологический подход, примененный автором при изучении института губернаторов, заявлен в самом названии книги и может только приветствоваться. Безраздельно господствовавший до революции формально-юридический подход, закрепленный в советский период в неоднократно издаваемом учебнике Н. П. Ерошкина «История государственных учреждений дореволюционной России», исповедуемый и сегодня многими исследователями, неизбежно сужает потенциальные возможности этой темы, не позволяя, как справедливо пишет автор, «исследовать реалии регионального управления» (с. 45). Другим безусловным достоинством работы является то, что А. Н. Бикташева подробнейшим образом раскрыла, какие потенциальные возможности, по ее мнению, содержит для раскрытия темы та или иная их группа (с. 9–41).

Весьма любопытна структура 1-й главы. Исходя из выбранной методологии исследования, автор полагает, что статус губернатора не сводился лишь к перечислению собственно его прав и обязанностей, закрепленных в законодательных актах, а складывался «из связей с официальным Петербургом, символики губернаторского дома в городском пространстве, а также выделенного материального обеспечения» (с. 66). Так, раскрывая вопрос о критериях назначения на должность очередного казанского губернатора, отмечается, что в каждом конкретном случае царь и правительство проявляли индивидуальный подход: учитывалась не только протекция, но и личные качества, опыт работы, образование претендента (с. 85–105, 144). Устанавливается и специфическая закономерность, свойственная для Казанской губернии (возможно, и для всех «дворянских» губерний): необходимость значительного личного состояния претендента, выражавшегося в 1-й половине XIX века прежде всего в количестве крепостных душ, что усиливало его авторитет в среде богатого помещичьего дворянства и оказывало влияние на продолжительность службы (с. 104–106). А. Н. Бикташева не огра-

ничивается анализом официальных и неофициальных доходов казанских губернаторов, как это обычно делалось раньше, а показывает, на что они тратились. Исследовательница делает вывод, что жалование губернатора покрывало в основном «физические» потребности правителя губернии, а вот его «статусные» и культурные потребности восполнялись либо за счет его личного состояния, либо (что чаще) за счет неофициальных доходов. Не этим ли объяснялось, заключает автор, терпимое отношение правительства к некоторым незаконным источникам обогащения? (с. 160).

Вторая глава посвящена изучению полномочий губернаторов. Автор не пошла ставшим уже привычным путем перечисления и иллюстрирования всех предписанных «Наказом губернаторам» 1837 года направлений деятельности, а попыталась не только выделить и охарактеризовать самые приоритетные из них, но и вычленив из уже обезличенного предложения, подаваемого «наверх», личное мнение начальника губернии. А. Н. Бикташева считает, что «реальная власть губернатора» распространялась на полицейскую и экономическую сферы, а также «благоустройство городов» (с. 169, 185, 198). Далее она предприняла попытку определить (может быть, впервые для данного периода), какие показатели служили для правительства основанием для оценки эффективности деятельности казанских губернаторов. В результате автор предположила, что для 1-й четверти XIX века это была «в основном делопроизводственная управленческая статистика», а в николаевские времена – «хозяйственные критерии» (с. 209, 211–212). К самым же интересным «личным инициативам» казанских губернаторов следует отнести впервые подробно проанализированные исследовательницей записки И. А. Боратынского по поводу проекта освобождения крепостных крестьян и расширения власти начальников губернии (с. 215–222). В конце главы автор делает вывод о том, что уже к середине XIX века наблюдается «постепенное формирование у губернаторов коллективной общности в русле ведомственных интересов МВД» (с. 225–226).

Самыми интересными, на наш взгляд, являются 3-я и 4-я главы книги, в которых А. Н. Бикташевой удачно объединены строгость научного изложения с захватывающими сюжетами

противостояния казанских губернаторов с представителями местной элиты. Автор исследует бытовавшие в этот период формы административного надзора за деятельностью губернаторов и обращает внимание на попытки законодателя даже на уровне губернии провести идею взаимного надзора друг за другом губернаторов, вице-губернаторов, губернских предводителей дворянства и губернских прокуроров. Однако такой надзор, полагает исследовательница, неизбежно порождал конфликты и «личные неудовольствия», что обычно являлось истинной причиной смещения очередного губернатора. Впрочем, формальной причиной отставки всегда выступало обвинение губернатора в совершении каких-либо должностных проступков или преступлений. Чаще всего их вскрывали назначенные на ревизию сенаторы. Именно метод «комплексного исследования, основанного на фронтальном прочтении текстов ревизий Сената», проводившихся в Казанской губернии в 1-й четверти XIX века, позволил автору в тончайших подробностях составить представление о «практиках власти» казанских губернаторов. Достойно подражания то, как А. Н. Бикташева исследовала ход и последствия ревизий Казанской губернии, произведенных сенаторами С. С. Кушниковым, П. Л. Санги (1819–1820) и В. Ю. Соймоновым (1822). В первом случае автор сумела вскрыть истинные мотивы, двигавшие доносителями и вставшими на их сторону сенаторами, и, самое главное, реабилитировать губернатора И. А. Толстого – деда Л. Н. Толстого. Изучение же материалов второй ревизии позволило ей не только установить причинно-следственную связь между «казанским опытом» и введением генерал-губернаторской формы правления в поволжских губерниях» (имеется в виду назначение в августе 1825 года в эти губернии А. Н. Бахметьева), но и утверждать, что сенаторские проверки Казанской губернии показали Александру I их неэффективность и даже необъективность, тем самым обусловив обозначившийся к концу его правления «поворот в сторону усиления вертикали исполнительной власти», выразившийся в возрождении института наместников (с. 354–356). Неудивительно, что именно эти главы вызывают ряд вопросов и замечаний. Например, нам представляется не очень удачной идея разделения находящегося в этих главах материала на две главы. По существу в них речь идет о различных формах административного контроля за деятельностью губернаторов. Поэтому было бы более логичным сделать общую главу и назвать ее, например, «Формы административного надзора за казанскими губернаторами». Тогда бы не возник вопрос такого

рода: разве донесения жандармских офицеров не относятся к разряду политической информации о «губернских реалиях»? Не совсем понятно, почему автор из всех применявшихся на практике форм административного надзора за казанскими губернаторами во 2-й четверти XIX века ограничилась лишь одной – донесениями жандармских офицеров? Как известно, недостаток сенаторских ревизий во время правления Николая I компенсировался «министерскими» (внутриведомственными) проверками, а также посылкой императором на места особо доверенных лиц из его свиты. Любая из этих проверок, учитывая специфику «Наказа губернаторам» 1837 года, так или иначе отражалась на оценке правительством эффективности деятельности губернаторов. Думается, что обнаружение и изучение таких документальных источников могло бы сделать еще более полной и объективной картину реалий губернаторского управления в Казанской губернии.

В заключение А. Н. Бикташева подводит итоги исследования. В целом соглашаясь с ними, я не могу не высказать свое несогласие с одним из сделанных выводов. На с. 415 автор утверждает: «...объединенные усилия нескольких поколений российских губернаторов привели к существенному изменению императорской региональной политики. Верховная власть повернулась от стремления к унификации регионов, игнорирования их специфик (александровская эпоха) к признанию и изучению их особенностей (николаевское царствование)». Мне же представляется, что именно Александр I начал отход от политики своей «венценосной бабки», попытавшейся унифицировать «великорусские губернии» посредством введения «Учреждений для губерний» 1775 года. Не случайно, наверное, и совпадение в конце его правления двух важнейших событий в науке и практике: в 1819 году К. И. Арсеньев в «Начертаниях статистики Российского государства» (Ч. 1: О состоянии народа; Ч. 2: О состоянии правительства) представляет общественности свой первый опыт по «районированию» Российской империи, а царь начинает реализацию своего «генерал-губернаторского проекта». Думаю, что этот проект был вызван к жизни не только необходимостью усиления административного надзора за местными государственными органами, но и учетом специфики региона в управлении. Не позволяет с этим утверждением согласиться и наш собственный скромный опыт изучения истории местного управления на Европейском Севере при Александре I. Впрочем, тем и нужнее для исследователей представляемая на суд читателей монография профессора А. Н. Бикташевой.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг. (подпрограмма «Carelica»).